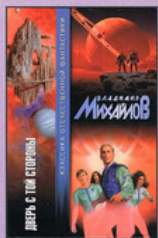

Владимир Михайлов

Карусель в подземелье

*Часть сборника
Дверь с той стороны (сборник)*

Владимир Дмитриевич Михайлов

Карусель в подземелье

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181300

Дверь с той стороны: АСТ; Москва; 2003

ISBN 5-17-016686-9

Аннотация

«Свеча горела на столе, свеча горела. Или скорее лампа; но что-то горело, был мягкий, милый свет и теплые, уютные тени лежали в углах, сгущались под потолком, корешки книг мерцали за полированными стеклами, тишина неуловимо звенела за окном, живая тишина, полная дыхания спящих людей, сотен и тысяч, и мысли вязались, легко, без нажима, без усилия укладывались в коробочки, склеенные из слов, в коробочки фраз; мысль со всех сторон обливалась словами, как начинка – шоколадной оболочкой. Планета Земля вращалась, кружилась балериной в прозрачной газовой накидке – и из всего этого сама собой, исподволь, возникала картина: кто-то, невыразимо прекрасный, шел навстречу, раскинув руки для объятия, солнце вставало у него за спиной, и роса вспыхивала искрами на тяжелых, налитых яблоках, а счастье радугой выгибалось в небе, тугое, чуть звенящее от напряжения; так или почти так должна была выглядеть предстоящая раньше или позже, но несомненно предстоящая встреча с иным Разумом, иным Добром, иным

Счастьем – если только Разум, Добро и Счастье вообще могут быть иными: вода везде остается водой, и железо – везде железом, могут разниться примеси, но основа остается неизменной...»

Владимир Михайлов

Карусель в подzemелье

Свеча горела на столе, свеча горела. Или скорее лампа: но что-то горело, был мягкий, милый свет и теплые, уютные тени лежали в углах, сгущались под потолком, корешки книг мерцали за полированными стеклами, тишина неуловимо звенела за окном, живая тишина, полная дыхания спящих людей, сотен и тысяч, и мысли вязались, легко, без нажима, без усилия укладывались в коробочки, склеенные из слов, в коробочки фраз; мысль со всех сторон обливалась словами, как начинка – шоколадной оболочкой. Планета Земля вращалась, кружилась балериной в прозрачной газовой накидке – и из всего этого сама собой, исподволь, возникала картина: кто-то, невыразимо прекрасный, шел навстречу, раскинув руки для объятия, солнце вставало у него за спиной, и роса вспыхивала искрами на тяжелых, налитых яблоках, а счастье радугой выгибалось в небе, тугое, чуть звенящее от напряжения; так или почти так должна была выглядеть предстоящая раньше или позже, но несомненно предстоящая встреча с иным Разумом, иным Добром, иным Счастьем – если только Разум, Добро и Счастье вообще могут быть иными: вода везде остается водой, и железо – везде железом, могут разниться примеси, но основа остается неизменной. Это будет прекрасно, но пока встреча эта не совершилась, даже думать,

мечтать о ней и воображать ее было хорошо. Ах, как все было славно, как ладно: лампа на гибком чешуйчатом хоботке, белая до голубизны бумага, чистая – на столе слева, а испи-санная – справа. Вот как было, и сейчас могло быть. Так за каким же чертом понадобилось...

– Нет, так мы никуда не придем, – сказал Савельев. Прерывая мысли спутника, голос его, напитанный раздражением, мгновенно затух; стены, пол, потолок всосали его как воду – пересохшая губка, треснувшая земля, песчаный бархан. До Уварова звук дошел, как сквозь вату, и он протянул руку и коснулся Савельева, чтобы поверить, что соратник рядом, но тот понял движение иначе:

– Да нет, я не волнуюсь. Просто подумалось: идем ли мы? Или попали в какую-то фата-моргану?

Отчего ж не подумать и так; что угодно могло прийти в голову в путанице туннелей, коридоров, лазов, где каждую секунду казалось, что ты – в самом центре паутины и во все стороны от тебя разбегаются ходы, вверх и вниз уходят колодцы, а по диагоналям, полого – уклоны; но проходила еще минута – и получалось, что вот он, настоящий центр, вокруг которого и завязан весь узел. Однако новый луч фонаря прямо вперед – уже маячил там. Проще было решить, что центр все время передвигается вместе с идущими; тут всякое могло почудиться.

– Долго идем? – среагировал Уваров на этот савельевский всплеск.

– Час сорок семь.

– Прошли километров пять, пять с половиной, – прикинул Уваров. – А углубились, как думаешь, насколько?

– Судя по уклону, метров на пятьсот.

– Через тринадцать минут остановимся, будем думать.

Так решил Уваров, потому что из двоих он был старшим и больше знающим.

Снова потекло беспокойное молчание. Говорить было трудно; рации отказали бесповоротно – стоило включить, и в телефонах раздавался скрежет, визг, курлыканье, вой разогнавшегося мотора, пронзительный голос сверчка, плач детей или крик весенних кошек, чье-то бесконечное «ау-у-ау» и – через каждые две секунды – удовлетворенное басистое утробное «ух!». Магнитное поле расшалилось несмышленным ребенком, голос идущего рядом человека не доходил, увязал, рассыпался, частички его разлетались, и можно было лишь свирепеть, пытаясь найти и не находя свободной щелочки в стандартном наборе частот. Рации нет, рации были ни к чему.

Переговариваться, не открывая шлемов, не удавалось: прокладки костюмов гасили звук, костюмам не полагалось пропускать звук извне, и они честно не пропускали. Так что пришлось открыть шлемы и дышать через аварийный загубник, придуманный специально на случай разгерметизации: конструкторы-то были умны, весьма, весьма. Однако с загубником во рту не поболтаешь: вынь загубник, выговори, что

успеешь, и хватай воздух снова, не мешкая. Фразы по этой причине порой звучали странно, начинались и кончались не там, где требовала мысль, а где позволяло дыхание.

Медленно проходили тринадцать минут, остававшиеся до двух ровно часов, когда решено все обдумать. Именно двух? Магия круглых чисел велика. Или просто так считать удобнее, и лишних сложностей мы не любим... Пусть так, но еще не успели рассосаться эти минуты, как впереди, в бесконечности лабиринта, стало вроде бы светлее; замерцало, словно вестник недалекого рассвета уже взлетел на розоватых перепончатых крыльях. Теплым было мерцание, зовущим, сулящим доброе. И оба невольно ускорили шаги, спеша туда, где хоть одной способностью человеческой, бесценной, незаменимой – зрением – можно будет напользоваться до отказа. И там, где, сменив мрак, как бы наступили розовые сумерки, люди остановились и принялись смотреть, чтобы понять, что же это было такое, чем они вот уже два часа пробирались, – после того, как спустились в узкую воронку, единственную, вызывавшую какие-то надежды; после того, как с великим трудом посадили и с тщанием укрепили свою капсулу в хоть сколько-то подходящем месте, нечаянно и странно возникшем среди первозданного, остервенелого хаоса, какой представляла собой поверхность планеты (откуда-то из этого района она был получен вдруг сигнал «Омеги» о помощи); после того, как капсула всласть покружилась над планетой в поисках корабля или его останков и не нашла ничего, кроме этого вот

места, где хотя бы предположительно могли уцелеть люди; после того, как капсула с двумя людьми стартовала с борта «Омикрона», корабля Дальней разведки, шедшего в паре с «Омегой» в этот район, где несколько раньше беспилотными зондами были перехвачены сигналы, которые при желании можно было интерпретировать и как сигналы Разума. Надежды такого рода, правда, рассыпались в пыль при первом же взгляде на небесное тело.

И вот теперь двое стояли в подземелье, всматриваясь. Источника света не было; светился сам воздух – впрочем, не воздух, конечно; что же – атмосфера? И ее здесь, если говорить строго, не было, потому что в одном из этих эллинских корней заключено понятие дыхания, а дышать тут было как раз невозможно, хотя ядовитой для глаз или кожи среда не была – это люди почувствовали бы сразу. Смесь нейтральных газов, вернее всего, и люди сделали зарубку в памяти, отметив, что для аварийной посадки, не говоря уж о колонизации, планета вряд ли годилась. Пробы газа в баллончиках, накрепко закупоренных, уже покоились в сумках, но это потом – там, наверху, где свет, где люди, где «Омикрон» навивает петлю за петлей, не рискуя опуститься на щетинистую, хрупкую, как червем источенную поверхность, чтобы, прожигая ее жаром выхлопов, а затем продавив немалым своим весом, не ухнуть, не загреметь, не углубиться в тартарары. Итак, светился газ; но уж свет-то оставался светом, частота его была такой, какой видит земное око, истосковав-

шеся по голубому и зеленому. Смотреть можно было досыта, смотреть и укрепляться духом, потому что, когда видно, уже не очень страшно – так устроен обитатель Земли. И даже на столь отдаленную планету привозит он с собой свои свойства, привычки и комплексы.

Теперь можно было окинуть взглядом все вокруг сущее. Туннель, с его притоками, входами и выходами, истоками и устьями; такое и не снилось творцу лабиринта на Крите, а если даже снилось, то он потом привнес в это свою, пусть искаженную, пусть ненормальную, но все же логику, ибо был человеком, а человек и в алогичности своей последователен...

«Однако, ахх, ахх, пффффиууу, в безумии этом, иэуу – ухх! арррр, есть своя система!» – донеслось смутно, как если бы кто-то из дальней комнаты проговорил, не повышая голоса, сквозь шум льющейся в ванной воды, сквозь скрежет расстроенного приемника. Уваров, не отвлекаясь от идеи, машинально кивнул, позабыв удивиться тому, что мысль его, не высказанная вроде бы вслух, уловлена партнером и тот отозвался Шекспиром, чтобы, наверное, ощутить кусочек земного, незыблемого, надежного – для успокоения души. Савельев, впрочем, синхронно кивнул тоже; все прошло взаимно незамеченным, не помешав мыслям продолжиться.

Да, здесь не было логики, ибо не было творца, не было отпечатка личности, акта самовыражения: словно какая-то машина случайных чисел спроектировала этот глубинный трехмерный многоярусный лабиринт. Действуй здесь ком-

пас, люди поняли бы, что уже трижды, а то и четырежды пересекали свой след, каждый раз все ниже и в то же время были от входа дальше по числу пройденных метров, чем даже думали, – однако нет, тут нельзя сказать «в то же время», поскольку времена как раз и были разными у них и у лабиринта, где брошенное семя, едва успев упасть, тут же, на глазах, поднялось бы в полный рост, зазеленело и покрылось плодами и уронило бы их наземь и зацвело бы снова, а они бы еще только раскрывали рот, чтобы произнести звук удивления; сути времени нам пока что постичь не дано, то, что мы о нем сейчас думаем, есть лишь теория трех китов в череде космогонических гипотез, до Галилея Времени – еще века; а уж постигнув его суть, мы перестанем быть людьми и станем чем-то большим, а чем – нам опять-таки пока знать не под силу, и это скорее всего к лучшему.

Туннель был хорош, и с определенной точки зрения им можно было даже залюбоваться: природа в диком состоянии, еще не ощутившая ни малейшего влияния разума, не несущая никаких его отпечатков. Разум, как известно, не только приспособливается к природе, но и стремится приспособить ее к себе – и часто зря, ибо он не абсолютен (о чем часто забывают) и часто проламывает стену, чтобы выйти, вместо того чтобы поискать и найти дверь... Тут были ходы неправильного, меняющегося сечения, с выступами и углублениями тоже классически неправильных форм, сложенные из однообразной, пористой, словно пемза или пенопласт, кро-

шившейся в пальцах субстанции, уплотнявшейся под ступнями, так что следы оставались на ней, словно на молодом снегу, чуть подмороженном, но еще не покрывшемся чешуей наста. Была порода эта на ощупь влажной, и воздух, или газ, и он казался коже влажным, хотя ничто не текло, не капало, не было сталактитов и сталагмитов; не было, конечно, и настенной росписи, которую всегда ищет взгляд в земных пещерах: не тот материал, да и кто стал бы расписывать тут стены? Разум нужен для этого, но он начинает не с росписей, а тут не то что росписей не было, но ни малейшего следа, пусть самого слабого, условного, прочерченного, прорисованного, протоптанного – свидетельства о том, что здесь проходили те, кого искали и ради кого брели сейчас два разведчика с «Омикрона», о том, что не зря берегли они воздух, слова и выдержку. Тут этого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.